

Нечто о елке*)

М. ГОРЬКИЙ

Устроенная в думском зале 4 января елка для бедных детей доставила им существенную пользу, в виде подарков, и возможно удовольствия. Но она была несомненно глубоко поучительна и интересна для взрослых, и очень жаль, что, кроме распорядителей, взрослых в думе почти не было. Те же, которые были, несомненно ушли из думы в грустном настроении.

Одним из первых явился на елку человек некий, по имени Андриюшка, от роду имеющий 6 лет. На ногах у него были полуразвалившиеся валенки—«маминцы», и маленькие, искривленные рахитом ноги Андриюшки болтались в валенках, как песты в ступах. Живот у Андриюшки огромный, вылятившийся вперед, вздутый. Очевидно, Андриюшка ест много, но не питательно. Нижняя челюсть у него кривая, рот тоже кривой, крупные, неправильные зубы не покрываются бескровными губами. Серые Андриюшкины глаза смотрят так, как будто этот маленький господин прожил на земле лет 70, все знает и давно уже ничему не удивляется. Боясь, что его раздавят в толпе, ребенка посадили на стул, спиной к елке, он обернулся, серьезно посмотрел на нее с полминуты и, философски утерев нос, тихо спросил:

— Гостинцев, слышь, дадут?

— Дадут...

Андриюшка кивнул головой и больше не пожелал говорить. Он сидел на стуле, для прочности держался за него руками и серьезно, не мигая глазами, смотрел, как из двери к нему шли и шли один за другим ребятишки. Какая-то девочка, одних лет с Андриюшкой, увидав толпу народа, взревела истинным голосом:

— Я ма-аме ме-еня-а!

Один из распорядителей взял ее на руки и пошел к елке, уговаривая ее плакать и обещая дать гостинцев, подарить на платье. Это сразу успокоило ее.

— Много дашь гостинцев?—осведомилась она, плача и недоверчиво поглядывая в лицо распорядителя.

— Мешок...

— А на платье?

— И на платье...

Она вздохнула, помолчала и снова спросила:

— Не обманешь?

...Раненько в шесть-то лет от роду знать, что люди обманывают друг друга? Не правда ли?

— Тебя как зовут?—спросила одного мальчика лет семи от роду, стоящего заложив руки назад и подтяв вверх голову. Он походил курносым носиком, точно разношивая что-то, и глазенки у него блестяли бойко, умно. Одетый в лохмотья, он бросался в глаза своей свободной позой.

— Петькой... а что?

— Так... Грамотный?

— Пету... а рази только грамотным гостинцев дадут?—обеспокоился Петька.

— Нет, всем дадут...

— То-то!

— Ты с кем пришел?

— Один...

— Мать-то есть у тебя?

— Есть... да он сованни опять пьяная...

Он сказал это просто, очевидно, давно уже привык к слабости своей матери. И его слова не возбудили никакого внимания у соседей,—таких же, как он сам, маленьких, прыжных, полудетых людей,—для них тоже, должно быть, не редкость пьяная мать.

Таких детей, мудрых и равнодушных, больных рахитом, истощенных дурным питанием, пропитанных плесенью подвалов, несчастных, жалких—было 500. Да без билетов пробралось в зал несколько десятков, да на улице у дверей в думу стояла густая толпа их... В зале они,—ошеломленные видом столов с подарками в красивой, блестящей елке, невиданной

ими быть может ни- когда до этого дня, густым пестрым потоком долго ходили вокруг столов. Все такие маленькые, немощные упрямые, очевидно, чувствуя себя неловко в проме музыки и перед лицом всех этих «барынь», с грустным любопытством смотревших на них. Ходили они—и от них по зале думы распространялся густой запах—запах давно немывтого белья, потного тела, подвальной сырости... Пять сот пар глаз жадно и внимательно приглядывались к сапогам и кускам сидца на столах и, наверное, заранее намечали себе желаемое. В этом молчаливом хождении вокруг столов было что-то до такой степени грустное, отчего у взрослых сердце болезненно сжималось и слезы выступали на глаза. Тремела музыка, зал хол певчих мальчиков, и пятьсот маленьких ног, обутые в полуразвалившиеся сапоги и башмаки, шаркали по полу...

Когда rozdali подарки, некоторые из детей тут же принялись есть калачи, и ели их с такой жадностью! Некоторые, получив подарок в виде пары сапог или куска сидца на рубаху, крепко прижав его к груди, начали как-то странно метаться по зале, точно спрятаться хотели, точно боялись, что подарок отнимут у них. Сколько лиц было озарено счастливыми улыбками, сколько детских глаз затворились ярким огнем удовольствия! Раздалось веселое шелканье орехов, в воздухе замелькали оборванные бумажки с конфет. Ребятишки оживились, посыпался смех, веселые крики.

— У тебя сколько конфет в мешке?—спрашивает один другого.

— Шапнадать... здорово, дают, черти!

Двое татарчат, сидя на полу, примеривали полученные в подарок сапоги. Одному из них сапоги оказались малы, и он, грустно вертя их в руках, оглядывался вокруг, ища чего-то. Вот идет мальчуган с большими вятскими котами подмышкой. Татарченок остановил его, они о чем-то поговорили... и коты на ногах татарченка, а его сапоги в руках русского мальчугана. Оба довольны и смеются, глядя в глаза друг другу... Много было хорошего на этом славном детском празднике, много такого, что умиляло душу, много трогательно-детского, по-детски чистого и наивного, по-детски смешного...

Но все-таки, больше грустного. Подумайте, господа, ведь эти 500 детей, быть может, лишь одна десятая всех полунших ребятишек нашего города! И подумайте,—что ждет их в будущем! Они будут пьяницами, по примеру родителей, они едва-ли будут когда-либо полезными членами общества. Нет, вероятнее — они будут членами колоний малолетних преступников. Счастливейшие из них—умрут от истощения, от заразных болезней, от побоев пьяных отцов.

Огромное большинство из этой массы — неграмотно и едва-ли получит возможность научиться грамоте уже по тому, что им не в чем ходить в школу, не на что купить книг и, наконец, потому, что те из них, которые постарше, являются рабочими членами семьи—няньками и воспитателями своих младших сестер и братьев.

Наш город—наредкость отзывчивый город. Вот мы видим, что в короткий срок, в какую-нибудь неделю времени устроены две огромные елки с лишком на 700 детей, для чего разными лицами пожертвовано свыше 500 рублей деньгами да натурою, на такую же сумму сластей, сидца, обуви и разных мелочей. Почти каждый день местные газеты публикуют воззвания к добрым людям о помощи разным вдовам и сиротам—и добрые люди дают свои рубли и вещи. Все это очень хорошо, все это указывает на большую чуткость сердца местной публики.

*) Печатается сокращенно.